

ГОРЬКИЙ — А. Д. ХИЛКОВ

Переписка Александра Дмитриевича Хилкова (1898—1947) с Горьким охватывает период с 1931 по 1934 г. В то время Хилков жил в Бельгии, куда эмигрировал после Великой Октябрьской социалистической революции. «Тут,— писал он Горькому,— после нескольких лет мальчишеского безумия, началась жизнь, началось протрезвление» (см. письмо 2).

Решительно порвав с белогвардейской эмиграцией, Хилков начинает сотрудничать в качестве журналиста в рабочей газете на русском языке «Канадский гудок». Все пережитое им послужило материалом для большого романа «Обнаженные корни», рукопись которого он послал Горькому в Сорренто, связывая с его отзывом вопрос о своем писательском будущем. В письме от 15 ноября 1931 г. Хилков писал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович, мною написан роман из жизни белой эмиграции. Не апология, но суд, и, сверх того, призыв к революции как к единственному пути, не обесценивающему жизнь человека» (АГ).

В судьбе Хилкова Горький увидел одно из свидетельств расслоения в среде белой эмиграции. Он писал по этому поводу Ромену Роллану 20 февраля 1932 г.: «Есть несколько интересных фактов психологической перестройки: например, граф Стенбок-Фермор, наследник богатых уральских промышленников, гвардейский офицер армии Вильгельма II, вступил вместе с десятком других офицеров в немецкую коммунистическую партию; князь Святополк-Мирский, сын бывшего министра внутренних дел, тоже объявил себя коммунистом, и сын князя Хилкова, проживающий в Бельгии, бывший офицер, а теперь рабочий—шахтер, внезапно порвал всякие связи с эмигрантами. Однако эти отдельные случаи нравственного возрождения еще не позволяют, разумеется, делать серьезные выводы.

Случай с Хилковым, который живет среди рабочих, знающих, что он князь,— весьма показателен» (т. 30, с. 241—242).

Хилков принял советское подданство и приехал в Советский Союз в мае 1934 г. Работая на вагоноремонтном заводе в Ленинграде, он не оставлял также литературной деятельности. Руководствуясь советами Горького, Хилков продолжал работать над романом «Обнаженные корни». Роман вышел в свет в 1940 г.

О своей переписке с Горьким Хилков рассказал в статье «Жить и работать, как Алексей Максимович» («Рабселькор», 1936, № 12).

Ниже публикуются четыре письма Горького к Хилкову и одно письмо Хилкова к Горькому.

1

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

⟨Сорренто. 2 декабря 1931 г.⟩

Уважаемый гр. А. Хилков.

Разрешите откровенно сказать вам следующее:

роман ваш¹, фактически очень интересный, написан крайне много-словно, «растянут» и требует солидной, весьма детальной редакторской работы.

Если вам угодно, я могу послать его в Москву, где эта работа будет сделана, после чего рукопись можно возвратить для просмотра вам. Но еще более просто будет, если вы сами пошлете рукопись по адресу —

Москва, Госиздат. А. В. Соловьеву, ГИХЛ² — и поставите условие: показать вам отредактированную рукопись.

Послав рукопись — известите меня, чтоб я мог предупредить Соловьева о необходимости внимательного отношения к вашему труду.

Всего доброго!

А. Пешков

2.XII.31.

Рукопись — при сем возвращаю.

¹ А. Хилков. *Обнаженные корни*. Роман, ч. 1, 2. Л., ГИХЛ, 1940.

² Имеется в виду Василий Иванович *Соловьев* (р. 1890), в то время заведующий Гос. изд-вом художественной литературы.

2

ХИЛКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Льез.⟩ 27.I. 1932.

A. Hilkoff: 197, rue Ernest Solvay.
Scllessin-lez-Liége. Belgique.

Многоуважаемый Алексей Максимович, мне пишут из Москвы, что А. В. Соловьев¹ получил от вас письмо с упоминанием об «Обнаженных корнях»². Большое-большое вам спасибо, что написали. Мне же сам Соловьев не ответил. Быть может, потому, что рукопись еще не дошла. Рукописи, по-видимому, долго идут. Оказывается, например, что тот экземпляр копии, который я послал несколько месяцев тому назад своей знакомой (и о котором я вам писал в последнем письме)³, дошел лишь недавно и был передан для ознакомления В. Бонч-Бруевичу⁴.

Хоть мне и совестно злоупотреблять вашей добротой, но, ввиду вашего отзывчивого отношения к моей первой просьбе, я решаюсь обратиться к вам еще раз.

Я продолжаю пробовать свои литературные силы. В остающиеся у меня от фабричной работы досуги пишу статьи и рассказы. Статьи печатаются в нью-йоркском «Русском» голосе»⁵. Рассказы же остаются ненапечатанными. Я не знаю — куда бы я мог их послать. Если я и напишу отсюда в редакцию какого-нибудь советского журнала, мне, наверное, ничего не ответят. А между тем, если мое перо не совсем уж бесталанное, быть может, накапливающийся у меня в ящике материал мог бы кого-нибудь заинтересовать и принести хоть какую-нибудь пользу. Исходя из такой надежды, я и решил послать вам на этот раз как образец два моих рассказа — «Ренэ» и «Банзай!», а также критическую статью — «Ветвь неплодная».

Если в этом материале вы не усмотрите ничего заслуживающего внимания, простите великодушно за напрасное беспокойство и рукопись просто уничтожьте. Если же рассказы и статья представятся вам имеющими некоторую ценность, быть может, вас не слишком затруднит направить их в какую-нибудь редакцию, черкнув мне об этом два слова. Я был бы очень рад, если бы я мог сотрудничать не только в одной нью-йоркской газете, но и в каком-нибудь советском литературном органе.

Ввиду того, что я к вам обращаюсь уже вторично, мне бы хотелось в пояснение к моим обращениям и к той работе, которую я пытаюсь выполнить своими литературными опытами, сказать несколько слов о себе самом. Но только я боюсь отнять у вас своей длинной «одиссеей» еще больше нужного времени. И потому я постараюсь ограничиться лишь краткими, общими указаниями.

Быть может, в былое время вы что-нибудь слышали о моем отце Дмитрие Хилкове¹ или вообще о сумбурной и во многом глубоко-глубоко-трагичной жизни семьи нашей. Родители мои принадлежали к разряду идеалистов — «дон-кихотов», за много взявшихся, все отдавших, отчаянно боровшихся и... в своей личной жизни в конце концов трагично, нелепо-растратившихся. Семья наша была разодрана и размолота. Старшие дети были отобраны у родителей «по высочайшему повелению». Две мои сестры покончили с собой. Отец после «толстовства», раздачи имения и после революционной борьбы кинулся в бойню 14 года, и был сразу же убит. Чтобы «спасти» хоть меня — «незаконного» и «отверженного» — от участи сестер, меня крестили (уже большим), «узаконили», дали «положение» в обществе. Этим завершился печальнейший разгром всего, на что ушли силы моих родителей. И с этим разгромом закончилась их «одиссея» и началась моя собственная. «Положение», данное мне «ради спасения», явилось для меня трясинной и наклонной плоскостью, по которой я с военной (училищной) скамьи слетел до белой армии и эмиграции. Тут, после нескольких лет мальчишеского безумия, началась жизнь, началось протрезвление. Лишь в эту вторую жизнь за границей (родившись в Англии, в старой эмиграции, я провел свое детство тоже за границей) мне было суждено в качестве последнего осколка прийти к тому трудовому существованию, которое в нелепых дореволюционных условиях мои родители не смогли создать для своей размолотой семьи. И спасло и осмыслило мою жизнь в конце концов не то светское «положение» (несколько лет которого в действительности меня едва не погубили), но шахта и фабрика. Здесь, в шахте и на фабрике, для меня наконец кончился сумбур, или — как говорила моя мать — «буча», и началась здоровая работа...

Обо всем пережитом мне хочется порой рассказать отдельной книгой. Но... я не знаю — стоит ли? Это — «затонувший мир». А кругом кипит и зовет жизнь. И, пожалуй, обращенность к пережитому и затонувшему, к прежним битвам, надеждам, «благим» идеалистическим порывам, ошибкам, срывам и горестям, горестям, горестям — может иметь смысл только в том случае, если стимулирует дальнейшую борьбу. Но не следует ли браться за борьбу более непосредственным образом? Ведь стимулов сколько угодно и в текущей жизни...

Как бы там ни было, и «старые дрожжи», и окружающая действительность «подымают» и толкают меня. Спокойно не сидится. Отсюда и мое писание. Но я пишу и спрашиваю себя — хорошо ли я делаю, что пишу? Может быть, перу моему грош цена? Может быть, другие напишут и без меня, и гораздо толковей меня всё, что надо, а мне следует впрямь в дело каким-нибудь иным образом?..

Меня порой мучает этот вопрос. И я не знаю, как быть. Вот почему мне хочется поскорее хоть что-нибудь напечатать и увидеть — есть ли от моих литературных опытов какой-нибудь толк? Если нет — надо сменить «род оружия». А без дела сидеть во всяком случае тошно.

Еще раз благодарю вас за участие. Искренно преданный и уважающий вас

А. Х и л к о в

¹ См. письмо 1, прим. 2.

² Упомянутого письма в АГ нет.

³ В письме Горькому от 5 декабря 1931 г. (АГ).

⁴ 16 июня 1932 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал Горькому: «Я несколько слышал об А. Хилкове как о вполне добросовестном человеке, совершенно отличном от другой эмиграции и самостоятельно ставшем на позиции большевизма, за что он нередко терпит от окружающих его русских. Я отца его знал прекрасно и очень долгое время, он был очень оригинальный и интересный человек. Мне переслали работу А. Хилкова, причем его друзья, живущие здесь, в Москве, которых я тоже очень хорошо знаю, сообщили мне, что они хотят, чтобы именно вы, Алексей Максимович, просмотрели

эту работу А. Хилкова и дали бы ваш отзыв. Это беллетристика. Я посылаю вам эту рукопись...» (АГ).

⁵ «Русский голос» — русская газета в Америке, знакомила читателей с жизнью Советской России.

⁶ Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914) — князь, офицер. Долгие годы находился под сильным влиянием толстовского учения. Пережив духовный кризис, оставил военную службу и роздал свою землю крестьянам. В 1889 г. женился на Ц. В. Винер (1860—1923), отвергнув обряд церковного брака, и двух детей своих не крестил. Мать Хилкова (Ю. П. Хилкова) добилась у Александра III приказа отлучить детей от родителей. О возвращении детей Д. А. Хилкову хлопотал Л. Н. Толстой,

ГОРЬКИЙ и С. Я. МАРШАК

Фотография, Тессели, январь — февраль 1936 г.

Музей Горького, Москва

но безуспешно. Хилкова дважды выселяли в глухие края за распространение толстовства среди духоборов и молокан. В 1898 г. ему было разрешено выехать за границу. Ко времени возвращения в Россию (1901) взгляды Хилкова изменились. Он разочаровался в толстовстве и примкнул к социалистам-революционерам. Потом совсем отошел от политической борьбы и вернулся к православию. В 1914 г. пошел добровольцем на войну и был убит.

Рассказ Хилкова об отце и о своей жизни в эмиграции Горький заключил в квадратные скобки.

3

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

⟨Сорренто. 21 февраля 1932 г.⟩

Александр Дмитриевич,

статью о литературе и очерк «Банзай» посылаю в Москву, очерк «Ренэ»¹ — возвращаю, ибо он вам не удался, — слишком растянут, да и люди написаны тускло, не видишь их. Описывая людей, следует снабжать их фигуры какими-нибудь характерными особенностями, так, чтоб фигуры эти, различные их друг от друга — сразу западали в память читателя, помогая

ему вообразить героев ваших — живыми. Также и речь каждого должна чем-то отличаться от речи другого и всех, — как это мы наблюдаем в действительности. Снабжайте людей жестами, «особыми приметами» — как можно больше индивидуализируйте их. Речь каждого из нас различна не только по темам, по отношению к явлениям действительности, но и по своему строю, по «говору», по расположению слов в каждой фразе. В очерке «Банзай» вы кое-чего достигли в этом направлении.

О романе² я еще ничего не знаю.

Рукописи читаются редакторами в порядке очереди поступления, а пишут в Союзе Советов — тысячи людей. Придется вам подождать решения.

Крепко жму руку и желаю всего доброго.

А. Пешков

21.11.32.

¹ Очерки «Банзай!», «Ренэ» и статья «Ветвь неплодная» не были опубликованы.

² Рукопись романа «Обнаженные корни» была переслана Горьким в ГИХЛ. Об этом свидетельствует заметка, помещенная в «Вечерней Москве», 1932, № 167, от 21 июля.

4

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

〈Сорренто. Начало декабря 1932 г.〉

Вероятно, это огорчит вас, но я должен сказать, что — по моему мнению — роман ваш неудачен¹.

Неудачное начинается с крикливого титула: «Стена смерти». Когда говорят о «стене плача» в Иерусалиме, это — понятно. Круглую, деревянную яму, в которой происходит акробатическое упражнение на мотоциклах, едва ли можно назвать «стеной». Бешеный и угрожающий гибелью бег акробатов в этой яме — слишком мало имеет общего со словесным «бунтом» детей эмигрантов. Разумеется — заголовок книги легко изменить, но — в романе все-таки остается эта, совершенно лишняя, искусственно взятая вами стена и акробаты, люди риска, ничем не похожие на «бунтарей», о которых вы рассказываете. Кessler кончает самоубийством? Это — вами не оправдано. Длинное его письмо — хотя и многословно, однако — не убедительно. Поведение Мимы — поведение истерички, и тот факт, что она у вас отдается незнакомому парню, отнюдь не укрощает ее. Гулливеру из «Возрождения»² вы даете возможность объяснить этот поступок девушки тем, что она в детстве «жила с большевиками» и этим испорчена на всю жизнь. Девуцу эту вы не сумели изобразить, так же, как и писателя Лирина, совершенно лишнего в вашем романе. Вам, должно быть, хотелось написать «пустого человека», но пустых людей — нет, каждый из них несет в себе тот или иной груз опыта, и если у иного весь этот опыт превратился в чепуху, — это надо уметь показать. Вообще все фигуры романа сделаны очень тускло. Начали вы его откуда-то со середины, затем перешли к началу — Мима в России — а необходимо соблюдать последовательность развития действия. На 70-х стр〈аницах〉 спор стариков и молодежи изложен вами в форме репортерского отчета. Скомкана, недописана сцена избиения Пятин. Неестественны монологи, напр〈имер〉, на стр. 100. Не следует автору рассказывать своими словами то, что рассказывают друг другу герои. Это на стр. 110—113. Непонятно, кому — вам или одному из героев — принадлежит характеристика Муссолини как «великого спасителя Италии». И — наконец — уже совершенно «ни к селу, ни к городу» ввели вы в эту скучную историю Горгулова с его пальбой³. Нет, роман совершенно не удался вам, и если вы хотите печатать его, вам сначала нужно серьезно поработать над ним.

Возможно, что есть смысл издать его за рубежом Союза Советов, но в Союзе основной массой читателей являются люди, которым в 17 г. было 5—10—15 лет. Для них ваш роман в том виде как он есть — был бы совершенно непонятен и неинтересен.

Вы не сумели достаточно просто и убедительно показать, чего ради бунтуют дети эмигрантов? Вами не использован такой материал, как собрания в редакции «Дней»⁴, дискуссия Керенского — Бунакова⁵, статьи «Возрождения» и «Пос<ледних> новостей»⁶, — пражские настроения молодежи, Союз возвращенцев⁷ и т. д. и т. п.

Печатается по черновому автографу.

Датируется по ответному письму Хилкова от 9 декабря 1932 г. (АГ).

¹ Рукопись романа «Стена смерти» была послана Горькому 5 октября 1932 г. Отрицательно оценив рукопись, Горький все же направил ее в ГИХЛ.

² «Возрождение» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже (1925—1936) А. Лукасовым.

³ Белогвардеец Павел Горгулов в мае 1932 г. стрелял в президента Франции Думера с целью спровоцировать конфликт между Францией и СССР.

⁴ «Дни» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже А. Керенским. Раз в две недели в редакции газеты устраивались вечера политических дискуссий.

⁵ И. Бунаков (И. И. Фундаминский) — эсер, после революции — белоэмигрант. О дискуссии И. Бунакова — А. Керенского см. заметку «В стране Пасси». — «За рубежом», 1933, № 5.

⁶ «Последние новости» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже (1920—1940) П. Милюковым.

⁷ «Союз возвращения на Родину» (Париж) способствовал возвращению в Советский Союз трудовой части русской эмиграции. Об этом «союзе» Горький писал М. Е. Кольцову 19 декабря 1933 г. из Сорренто: «Имеете ли вы издаваемый в Париже „Наш Союз“, журнальчик, издаваемый „Союзом возвращенцев“? В нем встречается интересный материал. Не следует ли пригласить кое-кого из этого журнала к работе в „За рубежом“?» («Новый мир», 1955, № 6, стр. 159).

5

ГОРЬКИЙ — ХИЛКОВУ

(Сорренто. 29 марта 1933 г.)

А. Хилкову

Посылаю рецензии, полученные мною из Москвы¹. Работа ваша оценена сурово, но — справедливо. Однако это не должно бы огорчать вас, а должно усилить вашу энергию.

Союз Советов — страна беспощадной критики и самокритики, — в этом убедит вас любой № любой советской газеты. Активные силы рабочего класса Союза работают в условиях обороны против «внешнего врага» — буржуазии всего мира — и в состоянии самообороны против «внутреннего врага» — против «ветхого Адама», т. е. против всего, что унаследовано от веков социального рабства. Активные силы рабочей компартии должны перевоспитать 160 милл<ионов> людей, — вот задача, которую надобно решить быстро и с наименьшим количеством ошибок, еще лучше было бы: решить ее безошибочно.

Отсюда, из социально-революционной педагогики, вытекают все наши оценки и этим объясняется их неизбежная суровость. Поэтому вас, человека, который искренно и честно служит интересам рабочего класса, суровость оценок и суждений наших и не должна обижать, а должна — учить, и повышать вашу энергию.

В частности — жизнь русской эмиграции уже не может интересовать политически грамотного русского читателя. Это для него — мертвые люди, «дохлое дело».

Ваши романы крайне многословны, и построены очень неумело. Мне кажется, что вы достигли бы лучших результатов, попробовав силы свои

на небольших очерках бытовых условий бельгийского рабочего, мелких служащих — мелкой буржуазии².

Попробуйте, весьма советую. Последнюю вашу рукопись³ увезу в Москву и, м^ожет б^ыть, напечатаю ее там в сокращенном виде.

Искренно желаю вам бодрости духа.

Печатается по черновому автографу.

Датируется по секретарской помете «29 марта 1933 г.».

¹ Рецензии на романы «Обнаженные корни» и «Стена смерти», полученные Горьким из ГИХЛа.

² В письме М. Е. Кольцову от 23 июня 1932 г. Горький, говоря о необходимости снабжать журнал «За рубежом» очерками и рассказами на бытовые и «особенно характерные для текущего момента каждой данной страны темы», писал о Хилкове: «Мне кажется, что его можно научить писать для „За рубежом“, можно и следует» («Новый мир», 1956, № 6, стр. 156).

В журнале «За рубежом» была напечатана статья Хилкова «К единому фронту. Письмо из Брюсселя» (1934, № 2, от 15 января).

³ Рукопись статьи «Миссия русской эмиграции» была приложена к письму от 1 марта 1933 г. (АГ). Хилков сообщал, что эта рукопись является сводом некоторых его газетных статей.